

Леонид
Ефремов

Неизвестная грань творчества
Михаила Крута

Annotation

В феврале 2007 года я написал повесть «Неизвестная грань творчества Михаила Круга». Но, ни одно российское издательство, ни одна газета, ни один журнал не решились ее опубликовать.

Так прямо и говорили:

— Мы не хотим проблем от братвы!

Хотя все факты, изложенные в повести, были известны и подтверждены самим Кругом еще при его жизни.

К осени 2008 года газета «Южно-Уральск» в Казахстане напечатала повесть, разбив ее на три номера.

После этого многие российские издания ее опубликовали. А в интернете найти ее теперь не составляет труда.

Правда, почему-то она везде и всюду изобилует орфографическими ошибками и опечатками, но, спишем это на технические ошибки тех, кому не лень было ее перепечатывать из периодики, хотя, по мне, проще было ее отсканировать и запустить в сеть.

На мой взгляд, сам Михаил Круг является ярчайшим примером эпохи. Эпохи, после развала СССР, по принципу: «Легкий взлет — страшный конец», потому что, в какой-то степени, волею судьбы, я оказал влияние на его творчество.

В зависимости от степени нашей вины перед НЕЧТО, мы рано или поздно расплачиваемся, кто аварией, кто нищетой, а, кто и собственной жизнью.

И, еще, мне подумалось, что в творчестве есть темы, которые трогать нельзя.

Кто-то сказал, что человек, смотрящий в пропасть должен помнить, что и пропасть смотрит на него. Недаром, актеры так не любят играть смерть.

А мораль той правды такова, что нельзя касаться того, что нам не ведомо и неподвластно. Так же, как нельзя переходить границы порядочности.

Я уверен в том, что трагический уход из жизни Миши Круга был обусловлен еще тогда, когда он просто взял и присвоил мою песню «Светочка».

Она была написана мной в состоянии между жизнью и смертью. И не моя вина, что он подписался под этой энергетикой во всех смыслах.

- КСПешники
- Злополучная «Светочка»
- Конфликтная ситуация
- Круг — Воробьёв
- Сплетни
- Владимирский централ

Леонид Ефремов
Неизвестная грань творчества
Михаила Круга

От автора

Прошло уже шесть лет с трагического дня, как не стало известного русского шансонье Михаила Круга.

К нему самому и к его творчеству можно относиться по раз, да и сам он был неоднозначен. История повторяется в своей цикличности. Когда от нас уходят люди, оставившие след в народном сознании, в науке или культуре, их реальная личность обретает как алмаз все больше и больше граней, превращаясь уже в полу быть, полу легенду. «Огранка» — это воспоминания людей, большей частью идеализированные....

Все это, на мой взгляд, приводит к никому ненужной канонизации, сквозь которую само творчество ушедшего от нас, порою выглядит вздорно и нелепо.

Так было с Пушкиным, Лермонтовым, Высоцким.... Так сейчас происходит и с Михаилом Кругом. Понятно искреннее желание идеализаторов. Но, значительно важнее в воспоминаниях о человеке постараться сохранить правду бесприкрас. Правду о событиях, характере, привычках. Оставить его и после смерти человеком, жившим среди нас, а не идиолом. Человеком, писавшим и певшим для нас, а отнюдь, не «ангелом, парящим в небеси»!

В том и состоит ценность правдивых воспоминаний, помогающих глубже и правильней понять цель его жизни, цель его творчества.

Каждый из нас, являясь частью Вселенной, несет в себе БЕЗГРАНИЧНОЕ КОЛИЧЕСТВО ГРАНЕЙ! В том и заключается наша человеческая ценность! А идола скучны и мертвы.

Михаил Круг уж стал символом, стал одним из заметных голосов темных лет России! Любая новая информация о нем — сейчас одна из граней целостного и незабываемого образа. То, о чем я поведаю, о той реальности, с которой я, волею Судьбы, соприкоснулся, не знает никто. Пусть этот рассказ станет маленькой гранью того алмаза, имя которому МИХАИЛ КРУГ.

Все началось задолго... Ровно за десять лет до двух роковых револьверных выстрелов в особняке на окраине Твери...

25 июля 1992 год. Москва. Ваганьковское кладбище. День Памяти Владимира Высоцкого. Жаркий, нестерпимо жаркий полдень, огромная масса людей у могилы Володи. В скверике, напротив входа на кладбище затоптанная сотнями подошв жухлая пыльная трава. Повсюду купля-обмен фотографий, книг, записей, виниловых дисков. В загустевшем воздухе звучит немыслимое многоголосье песен Высоцкого, под аккомпанемент расстроенных гитар, и даже под гармошку.

Это было то безвременье, когда рухнули, казавшиеся незыблемыми государственные и общечеловеческие устои. Время, когда все мы еще не привыкли к царящему вокруг беспределу, надеялись на его скорый конец, верили в скорое возвращение к нормальной человеческой жизни. Та пора, когда искали в настоящем спасительные соломинки из прошлого, чтобы вновь ощутить себя людьми, единомышленниками, братьями, собравшимися вместе.

Одной из таких «соломинок» было Ваганьково, был Владимир Семенович Высоцкий, его Светлая Память, его Народный Бунтарский Дух.

Все мы, приезжавшие туда с гитарами, срывали до хрипоты глотки, братались, знакомились, несмотря на жару, обильно пили водку. Конечно, не всегда все проходило гладко, и заканчивалось «патетически». Были стычки с ментами, небольшие конфликты и драки между собой, были «не рассчитавшие дозу». Но, это частности! Ваганьково притягивало людей различных возрастов, мест проживания, социальных слоев, давая, пускай и не совсем трезвую несколько часовую иллюзию братства.

Кто-то из импровизированно выступавших пел песни Высоцкого, кто-то пытался петь свои.

Многие из фанатов и коллекционеров записывали поющих на плохие в то время диктофоны, вместе со звоном, проходящих мимо трамваев и галдящей толпы.

Для меня все это было не в диковинку. В вышеупомянутом скверике я почти регулярно в дни Памяти «давал подобные концерты», пел в основном свои песни, их записывали прямо тут же, довольно часто давали адреса, по которым просили выслать качественные записи песен, что я всегда и делал.

25 июля 1992 года за мной, буквально по пятам. Ходил парень рабочего вида, довольно скромного телосложения, и записывал на «Электронику» почти все, что я пел и говорил.

Тогда практически заглохло то движение, что именovalo себя

«Клубом Авторской Песни», «Русский шансон» еще не завезли в предродовое отделение, и для меня, не имевшего в ту пору ни концертов, ни выступлений, Ваганьково — было единственной возможностью спеть людям свои песни.

Кто сам сочиняет — знает, насколько необходимо Автору быть услышанным. По этой причине мне импонировал этот парень, терпеливо ждавший, пока я отдохну после очередного перекрикивания всеобщего гама, и снова начну петь, а он записывать.

В конце мы познакомились. Он представился коллекционером из Твери (тогда еще город Калинин) Игорем Зверевым. Много рассказывал о своей фонографической коллекции. По его словам, в ней были и мои записи, но очень плохого качества. Он, конечно был «рад знакомству со мной вживую» и очень просил записать и выслать ему ВСЕ! Мои песни. К тому времени я написал примерно около двухсот песен, на мой взгляд, достойных внимания.

В августе 1992 года я выполнил просьбу Игоря Зверева, записав (тогда еще на двухканальном катушечном «Юпитере») почти половину из написанного мною, среди которого была песня «Светочка», и отослал в Тверь на домашний адрес Зверева. Незадолго до этого я, по случаю, приобрел синтезатор «Ямаха ПСР» и часть песен, в том числе «Светочка» была записана в простенькой аранжировке.

Помню, что Зверев, получив записи, позвонил из Твери, поблагодарил, но в дальнейшем наше общение не продолжалось. О нем напоминал лишь его домашний адрес и телефон в записной книжке.

Начало февраля 1995 года. Звонок Леонида Аграновича (тогда лидер группы «Флоктус» при Кантри-центре Гладкова): — Старичок! А ты знаешь, что у тебя песню сперли?! Песня «Светочка», некто Михаил Круг — однодневка из Твери, «ля-Розенбаум»!

В переходе метро я купил кассету Круга «Жиган-лимон». Напротив песни «Светочка» было начертано: «Сл. и муз. М. Круг в соавторстве с И. Зверевым»....

Злополучная «Светочка»

Жанр так называемой Авторской песни к началу 90-х разменивал уже третье десятилетие, имел своих живых и мертвых классиков, имел довольно жесткие каноны.

«Дурным тоном», к примеру, считалось петь на слетах КСП (КЛУБА САМОДЕЯТЕЛЬНОЙ ПЕСНИ) Высоцкого. Розенбаума (за исключением казачьих песен) открыто называли дешევкой. А уж от такого «блатняка» как Аркаша Северный, Костя Беляев и тому подобных, нос воротили брезгливо. Окуджава, Визбор, Клячкин, Кукин, Городницкий, Егоров, Новелла Матвеева, Никитины, Вероника Долина — далеко не полный «список классиков» КСП, которые, собственно, и обозначили довольно сжатый спектр тематики и стилистики. Помню, как где-то в конце 80-х, тогда уже довольно популярного Володю Капгера, на одном из слетов просто «попросили» со сцены лишь только за то, что его «понесло на хулиганскую тематику», которую, на мой взгляд, хулиганской можно было назвать, абсолютно не имея понятия, что же на самом деле из себя представляет «ХУЛИГАНСКАЯ», тем более, блатная песня.

Я не хочу сказать, что «закрытость» жанра это плохо. Романтика, любовь, дружба, синие далекие горы... Но, ведь горы-то далекие... А, рядом-то, бытовуха, отнюдь не поэтическая, каждодневная....

А до «синих гор» сотни километров штабелей лесоповала и колючей проволоки гнилых лагерей...

Наверно, это была своеобразная «поза страуса»: — не хотим слышать ни о какой реальности, спасемся в придуманном миреке?!

Но есть и поговорка — «Не лезь в чужой монастырь со своим уставом». Ходишь на слеты, поешь песни — изволь соответствовать! В основном я старался соответствовать. Но писалось в 20 лет разное, то, что волновало, то, что нравилось, и о чем хотелось.

Во времена тотальной государственной цензуры КСПешная субцензура начинала раздражать. И за очень короткий срок, исполняя то, что хочется. (иногда просто в пику организаторам) я снискал дурную славу жанроотступника. Спустя годы, понимаю, что многие мои тогдашние «крамольные» песни были довольно слабы, ибо написаны были НАПЕРЕКОР... Но, если честно, я и тогда не придавал им серьезного значения, так «дразнил гусей».

Пишу все это лишь за тем, чтобы описать непосвященным атмосферу тех лет, спровоцировавшую возникновение, т. н. «РУССКОГО ШАНСОНА», и подвожу Вас к основной теме моего

повествования.

В июне 1990 года я получил серьезнейшую травму позвоночника, с трудом передвигался по квартире. О походах на слеты, концерты, посиделки, не могло быть и речи.

Ограниченность движений, изнуряющая, не проходящая боль 24 часа в сутки...

Это было не так страшно. Страшнее и нелепее было то, что я в миг оказался в вакууме!

Десятки моих КСПешных «друзей», воспитанных на песнях, идеализирующих дружбу, любовь, верность и преданность, просто забыли обо мне. Телефон молчал, исчезли сразу, до этого многочисленные шумные и радушные визитеры. «Возьмемся за руки, друзья, чтоб не пропасть поодиночке»!..

Состояние мое ухудшалось, мне предстояла серьезнейшая операция, которая могла закончиться чем угодно. Мне было 26 лет. Умирать не хотелось, но и существовать так становилось невозможно. В такой ситуации поддержать мог себя только я сам. Я уже почти не мог ходить, но я мог оставаться здоровым и живым в своих песнях. Мог в них колобродить, влюбляться, хулиганить! И я хулиганил как мог!

15 января 1991 года я «схулиганил» песню «Светочка». Эта была последняя песня перед операцией. Она же вполне могла стать последней вообще... Написалась она в один присест вместе с мотивом, тут же записал на магнитофон с листа, под гитару. Эта и песня отчаяния и бесшабашности и НАДЕЖДЫ. Хотелось (если что...) остаться в памяти близких именно таким... живым, московским хулиганом! При всей ее простоте и прибалтненности, это песня смертника, им же и написанная.

Когда погиб Круг, мне подумалось, что не случайно из многих моих подобных песен он выбрал именно «Светочку».

<i>Светочка</i>

Когда зима с ума сойдет от плагиата
Капельной музыки, написанной весной.
Кошачий март у телефона-автомата
Вдруг замурлычет захмелевший и шальной.
Я от соседшке назойливой устану,
Что домогаться будет в раз очередной.
Я о тебе припомню, ангел мой, Светлана,
Себе гранененький налив для отходной.
В развале пьянка, полусонные соседи

С полночной тупостью глядят из-за стола.
Залили бельма, косорылые медведи,
И будут бить друг другу рожи до утра!
Я, напоследок, пол-аккорда, два стакана,
Заехав декою соседушке в мурло!
— Спасибо, Светочка, что любишь хулигана!
Ведь я-то знаю, как такое тяжело!
Я без шарфа и без рубля, в одном ботинке.
Сапфиром светится «фонарь» по всей скуле.
Но, я сегодня, не к Наташке, не к Маринке!
Я еду к Светочке, Светуле, Светуле...
Щелчок! Гудок! На первый вызов шлепнет «двушка»!
А, значит, ждешь, не спишь, подушку беребя!
Я виновато промычу: Встречай, подружка!
И расплатись за тачку... нету ни копыя!
— Алло, такси! Мне на Остоженку! Годится?
— Ну, ты дерешь! Туда не больше четвертной!
— Я пьян, я к Светочке, мне дома не сидится!
— Ну, не козли, чувак, согласен! Черт с тобой!
— Ах, Света, Светочка, Светланочка, Светуля!
Ты-лучик света в темном царстве и в судьбе!
Сквозь катаклизмы пьяных драк, суды и пули
Я возвращаюсь каждый раз к одной тебе!
Ты у подъезда ждешь, платок стянув булавкой,
В разрезе шубки гладь коленочки торчит.
— Молчи, капель! Не вой по трубам гадкой шавкой!
Твое сердечко оглушительно стучит!
Ведь нам с тобою не страшны любые бабы!
Ты мне одна толчок в поэзии дала!
Пусть Городницкий там поет про баобабы
И в мыслях спит с женой французского посла!
Автопилотом приведет к тебе сознание.
А, что я пьян опять, так ты меня прости!
И будут слезы, поцелуи, обниманья,
Когда сквозь оттепель примчит меня такси.
И поцелуи те прекраснее фиалок,
Тех, что когда-нибудь тебе я подарю...
И мы растаем где-то в дебрях коммуналок,
Как на икону помолившись на зарю.
15 января 1991 года. Москва.

Конфликтная ситуация

Разумеется, что после звонка Аграновича и покупки кассеты Круга, где он значился как автор слов и музыки моей песни «Светочка», я позвонил в Тверь Игорю Звереву. То женский голос отвечал, что он пьяный спит, то, что он на работе. Наконец дозвонился. На мой вопрос, как могло такое случиться, что присланная ему мною песня присвоена каким-то Кругом, да еще и «в соавторстве» с ним, со Зверевым, да еще и с моим рисунком аранжировки, Зверев явно заюлил. Он порол примерно такую ахинею, что Круг является моим давним поклонником, что знает многие мои песни, что осенью прошлого года Зверев дал переписать Кругу все те песни, которые я прислал в 1992 году. О присвоении Кругом авторства, тем более о своем соавторстве, он слышит впервые от меня. Выслушав все это, на ходу придуманное вранье, я сказал: - Ты дал Кругу записи, ты сам и разбирайся, но так поступать подло!

Через несколько минут мне перезвонил человек, представившийся директором Михаила Круга и руководителем группы «Попутчик» Алексей Свиридов. Разговаривая в утрированных приклатенных интонациях и выражениях, он начал с нападения. Опуская, стершиеся из памяти со временем, детали его агрессивного монолога, смысл которого в основном сводился к тому, что я не знаю, какие силы и чьи бабки стоят за раскруткой Круга, скажу только, что ничего разумного разговор со Свиридовым не содержал. «Какая-то дешевка!» - подумал я, а вслух сказал: - Я понимаю, что все вы там в Твери круче жаренных яиц, но за 15 лет творчества — это первый случай, который иначе как ЗАПАДЛО не назовешь. Хоть мне и наплевать на ваши полублатные понятия, но, даже по ним это называется КРЫСЯТНИЧЕСТВОМ, и наказывается «хоровой любовью народных масс», тем более, что авторство «Светочки» зафиксировано мной в РАО. По-моему, последнее, произвело на Свиридова самое сильное впечатление. Три «магические» буквы РАО, и тон Свиридова стал почти заискивающим, а разговор закончился вопросом: «Сколько мы тебе должны за песню»? Я сказал, что не все измеряется деньгами, мне надо, чтобы Круг публично отказался от авторства и извинился за «недоразумение». Нагловатый голос Свиридова заметно погрузтел: «Ну, Круга я вряд ли смогу на это уговорить...».

— Тогда до новых встреч! — сказал я и опустил трубку.

К сожалению ли, к счастью ли, но я человек не кровожадный. Я не повелся на хищный энтузиазм юристов из РАО,

уговаривавших меня «наехать» с их помощью на Круга и компанию, арестовать тираж альбома «Жиган-лимон», поломать его скорые планы на работу с Николаем Рязановым в Питере.

И, хотя, беспредельная наглость «дорогих тверичей» меня, мягко говоря, УДИВИЛА, я решил — Бог им судья, все во ВЛАСТИ БОГА!

Круг — Воробьев

«ВСЕ ВО ВЛАСТИ БОГА!»- решил я и постарался поскорее позабыть всю эту историю. Песен я писал предостаточно, и значительно более интересных и сильных, чем «Светочка». «Если для Свиридова, Круга и Зверева «Светочка» — «потолок», то о чем с ними, собственно разговаривать?»! — Не оскудею! Я успокоился и, плюнув на все, занялся другими делами.

Но вот только ранней весной, того же года, Круг появился на моем пороге....

Именно... появился... Погода стояла по-мартовски дождливая и промозглая, а он стоял на пороге в сероватом пиджаке и темных брюках абсолютно сухой, с литром «Смирновки» в руке и улыбался хитровато, но не отталкивающе. «Впустишь?» Вспомнив, отнюдь не джентльменскую беседу со Свиридовым, я решил «держаться марку»: «А кто вы собственно такой?» Хотя фото на обложке абсолютно соответствовало оригиналу, и не узнать Круга в том самом пиджаке было невозможно. Признаки ранней полноты, некоторая одутловатость подбородка, слегка прищуренные глаза с хитринкой....

«Я Круг! Ну, хочешь, паспорт покажу? Только «Круг» — все равно мой псевдоним!» Пауза затягивалась. Он топтался на месте, а я не спешил впускать его. Поймав мой взгляд и, видимо поняв о чем я думаю, он сказал: «Да ребята подвезли. Куртка в машине. Я в Москве по делам, здесь им тоже сказал, что у меня дело». Простоватость или простота? — Обескураживала. И я впустил его. «Не обижайся! Я твою «Светочку» не воровал. Зверев спел, сказал, что его песня, мне понравилось. Вся история. Со Зверевым мы сами разобрались — мало не покажется, а деньги я тебе привез и, если не против, давай посидим». Он приподнял «Смирновку». «Я уже сказал вашему директору, что деньги не возьму, мне нужен ваш публичный отказ от авторства».

«Да, ладно тебе! Давай на «ты»! Я человек простой! Ты какого года? — я 62-го!»

Я предложил ему присесть, достал стаканы, но пить отказался. «В завязке? А я выпью. Не за рулем сегодня. Ребята отвезут. Скоро тоже завяжу, мешает. У меня сейчас творческие отгулы. А чего от денег отказываешься? Много у тебя их что ли или не нужны?». «Хватает, нужны, вторая дочь скоро родиться, но не все ими измеряется!» «Вторая дочь? Это хорошо. А я вот пацана один без бабы воспитываю. Водилой на молоковозе бабулям молоко развожу, но, чувствую, уходить придется — гастролей много, выступлений, а начальство залупается!». Больше

мы никогда к вопросам личной жизни не возвращались. Он пил водку, сетовал, что не по-русски как-то пить одному, я пил кофе. «Понимаешь, Леха! Не все так просто! Кстати, у меня друг есть один — самый настоящий! Тоже Леха!».

Я поправил, что я не «Леха», а Леонид, если он хочет, то Ленья, что это два разных имени.

«Да, ладно, не обижайся, братуха! Просто ты всего пока не знаешь, со временем расскажу. Но сейчас, если откажусь от «Светочки» все у меня обломится. Люди денег не дадут. Авторитетные люди. Нет денег — нет следующего альбома, да и за этот ты не знаешь, сколько я еще должен. Давай по-хорошему, в следующий альбом я снова включу «Светочку», напишу, что сочинил ее по мотивам твоей песни, а где можно, скажу, что все это недоразумение и прочий шняк. А ты, где можно, вспоминай меня, ругай. Лучшая реклама — антиреклама!».

Забегая вперед скажу, что Круг свои обещания выполнил. В альбоме «Зеленый прокурор» «Светочка» значится как композиция «по мотивам песни Леонида Ефремова».

Да и во многих интервью Круг долгое время говорил: «Я исполняю только свои песни, кроме одной «Светочка» — Леонида Ефремова, есть такой московский автор».

«Слушай, а чего ты только «Светочку» у меня взял? У меня много подходящих тебе песен, я их практически не пою. Да и фенья у тебя не всегда понятная, а там все доступно!»

«Ты меня еще извини, я взял у тебя мотивчик, что ты Коське Беляеву песню сочинил. Написал про Тверь. Не слышал? Дай-ка гитару, спою». И спел:

... В Лазурной шум и песни
и там братва гуляет
и не мешают мусора....

Мотив один к одному моего посвящения Косте Беляеву! «Ну, как?!». Я неопределенно хмыкнул. «Да, ладно тебе!» Ее у нас уже года два знают и поют. Никакого воровства, бывает, слушаешь песни, подписаться готов, жалеешь, что не твоя!» «Миша, это называется ПЛАГИАТ — творческое воровство!». «Угадал! Меня воры очень любят слушать, да и потом, слова-то мои! Ну, хочешь, напишу, что музыка твоя?». Водка быстро делала свое дело. Настроения моего нежданного гостя менялись как калейдоскоп. «Нам бы с тобой поработать вместе, так, чтоб никто пока не знал». «Это как?». «Знаешь, много есть мыслей, настроений, мотивчиков, а слов не хватает оформить. Некоторые в столе годами гниют. А у тебя, как слушаешь, вроде легко

выскакивает, может, поможешь? Ну, там подправить, доработать? Рифмы иногда идут очень корявые».

«Слушай, Мишель, а все твои «недоделанные песни» тоже воровство?». Он обиделся всерьез. «Чего ты выпендриваешься! Да меня уже сейчас в два раза народу больше знает, чем тебя! Я тебе как человеку предлагаю! Да и лаве проплачу!». «Ладно, Миша, шутю я. Куда уж нам замуж! Ты на одной своей экзотической фене как на коне». «Да, вот откуда феня! Кстати, дарю! У меня еще есть!» И он протянул мне потрепанную книжечку в бумажной обложке карманного формата «Совершенно секретно. Для внутреннего пользования работников НКВД. Словарь жаргона преступников «Блатная музыка». Москва 1927 год. Репринтное воспроизведение 1991». Где-то до сих пор, у меня, наверное, есть эта потрепанная книжечка. «А почему КРУГ? Псевдоним ты тоже взял отсюда?». «Да нет, был такой известный шпион-бандит. Ты не смотрел что ли.....» (название фильма, упомянутого Кругом, я не помню), да и потом круг — самая бесконечная и гармоничная фигура!» Он еще что-то пел, потом спохватился, что его внизу «в тачиле» ждут ребята, и так же быстро раскланялся. «Проводить?» Мне хотелось посмотреть на «ребят, которые его ждали». «Не. Не надо нам пока вместе рисоваться! Я тебя со временем со всеми своими перезнакомлю. А, пока, как договорились, попробуем поработать «без афиши»».

«Ну, бывай, Круг!» «Пока!».

Захлопнув за ним дверь, я почему-то был уверен, что встречались мы в первый и в последний раз. Впечатление было такое, что весь, спонтанный для меня, визит Круга был лишь нацелен на улаживание конфликта со «Светочкой», не более. Остальное было лишь прожектерством. Но я ошибся....

Через очень небольшой промежуток времени он снова появился на моем пороге. Я терпеть не могу подобные визиты без предварительных телефонных звонков. Поэтому, возможно, не очень вежливо намекнул ему об этом. У Круга никакого замешательства в ответ на мое замечание не было. Переступая через порог он сказал:» Ты в завязке, а мне одному пить как в прошлый раз больше не хочется. Так, что я с пустыми руками. Ничего?».

«Нормально, только в следующий раз позвони, а то будешь плясать у закрытой двери. Меня часто не бывает». «Это ничего. Я просто по делам ехал мимо, дай, думаю, заскочу. Кстати, ты о нашем уговоре помнишь? Я тут привез немного песен. Никак не могу не могу дописать дальше второго куплета!». Он засмеялся и шлепнул на стол свернутые в газетную трубочку листы. Их было ровно 18. Написанные небрежно, от руки, разными чернилами

(вероятно рукой самого Круга), они сплошь были разрисованы какими-то узорами, кружочками и т. п. Видимо, они отображали муки творчества. «Не ругайся, что в таком похабном виде — не было времени переписать, да и не люблю переписывать». «Миша, да тут вагон работы, а у меня со временем напряг. Потом, сам пойми, может ничего не выйти». «Ленчик, мне до зарезу нужно закончить! Я плачу сколько скажешь! Оставь их у себя, только никому — как договорились! У тебя получится!». «Спасибо за комплимент и доверие». Круг вынул несколько столетних купюр — аванс. «Миша, если ты ЭТО не уберешь, то уйдешь вместе с этими черновиками!». Круг недоуменно пожал плечами, но деньги быстро спрятал в карман. «Не пойму, чего ты не хочешь на этом лавешник сделать?».

Надо сказать, что творческие судьбы у нас были как братья-близнецы. Он как и я рос хулиганом среди местной шпаны, как и я слушал Высоцкого, Северного, Шандрикова, как и я впервые запел во дворе для той же шпаны, так же выкаблучивался перед местными красавицами — нашими сверстницами. Потом такое же неожиданное как у меня КСПешное лауреатство. Даже манера гитарного аккомпанемента у нас была очень схожа. Диаметрально противоположно мы расходились лишь в одном. Я всегда считал, что поэт или автор (как угодно) должен быть «голоден», не в прямом смысле, разумеется. Он же считал, что написание и исполнение песен, если они получаются, нужно обязательно возвести в разряд коммерции. Быть талантом — значит хорошо иметь, быть звездой — значит быть очень богатым. Но, разве ЭТО самоцель творчества?!

Я, отнюдь, не являлся и не являюсь бессребреником. Оставленные Кругом заготовки были интересны лишь тем, что я почти не занимался написанием блатных стилизаций (исключительно на эту тему были заготовки), мне было просто интересно попробовать, получится ли из этого что-нибудь. Мучиться над неоконченными, довольно сырыми и псевдопростыми текстами, только ради денег, я не стал бы. До этого я писал песни для Кости Беляева, в основном в его стиле — похабном. Меня это занимало и смешило. Но узкоугольной блатной песней я не занимался.

На удивление легко я дописал все восемнадцать тестов, некоторые даже переписал заново, сохранив смысл и стилистику. Потом появился Круг (позвонив из автомата от моего подъезда). Он довольно долго и сосредоточенно читал тексты, иногда по нескольку раз, шевеля губами, делал незначительные поправки, приговаривая: «Вот так попроще, получше, а то братва не въедет». Потом сказал: «Давай гитару!» И пропел в своей манере все 18

песен. «Ну, как?». Вид у него был довольный. «А боялся, что не получится!». «Миша, ну, это же примитив!». «А что толку в твоих заумных песнях? Я раз десять слушаю, чтобы понять. А это понятно сразу, народ не любит долго думать!». Он забрал все тексты, все черновики и мы распрощались. Примечательно, что он ничего мне оставлял. Ни каких следов своих приездов. Всегда приходил один, не хотел, чтобы я провожал его до машины. Никогда не дарил мне альбомы с автографами, никогда мы не фотографировались вместе (хотя один раз я предложил, он сказал: «Плохая примета! К ссоре!»). Похоже, он действительно не хотел афишировать наше знакомство, может, опасаясь, что я заявлю претензии на переписанные для него песни? А, может, по-детски играл роль того самого киношного Круга шпиона и бандита одновременно? Некоторые из тех 18 песен потом я слышал в его альбомах.

Впоследствии таких больших «заказов» Круг мне не делал. Привозил одну-две песни, просил тут же доработать размер или рифмы, или дописать окончание, терпеливо ждал, потом пропевал, иногда по несколько раз. «Ладно, еще дома покручу, как лучше». И исчезал.

С каждым приездом он становился все напыщенней, степенней что ли. Еще бы. Популярность его росла как снежный ком. И внешние проявления должны были этому «соответствовать». Однажды он приехал с перстнем из нержавеющей стали на пальце. Всячески пытался обратить на него мое внимание. Не выдержал: «Это мне один авторитет подарил! Сам в зоне из обычной гайки выточил! Высший пилотаж! Хочешь такой же и для тебя у братвы закажу?». — Он был счастлив как маленький ребенок, получивший долгожданную игрушку. Куда в этот момент делась вся его напыщенность?! Хотя я весьма скептически отношусь к такого рода поделкам, но не желая омрачить его радость, вполне искренне попросил: «Закажи, Миша!». Он так же искренне и радостно обещал, жаль, что потом забыл намере!е!

Однажды он явился ко мне, видимо до этого кем-то «заведенный». «Там, может все-таки ты объяснишь, почему не берешь деньги?». «Давай не будем ходить кругами, я тебе уже объяснил, что не хочу из Дара Божьего извлекать коммерческую выгоду!». «Да, брось, все это туфта! Просто все вы, москвичи, любите вые...! Одни понты от вас!». Хлопнув дверью, он ушел. Хронологически, это был его последний «окутанный тайной» приезд. Правда, в тот момент я не предполагал, что патологическая нелюбовь к москвичам, присущая всем провинциалам может поставить точку в, на мой взгляд, полезным

для Круга контакте со мной.

Думаю, что Миша еще долго не выпускал из виду мое скромное некоммерческое творчество. Так, в апреле 1997 года вышел мой авторский альбом с названием «Не бойтесь, мадам!» (студия «КОРРЕКТ» Москва). Через несколько месяцев вышел альбом Михаила Круга с названием «МАДАМ»... Может быть таким специфическим образом он передавал мне привет?

В начале 1998 года некто Виктор Викторович Губин (ныне покойный) — папа Андрея Губина, решил подмять под себя весь шансонный шоу-бизнес, звукозапись, рынок продаж кассет и дисков, в противовес процветавшему тогда главе фирмы «Мастер-Саунд» Юрию Севастьянову (ныне тоже покойному). В то время только-только стали выпускаться и входить в моду так называемые сборники «Русского Шансона», в которых представлялись песни нескольких авторов под одним общим названием. Такие сборники выпустили уже фирмы «Союз», «Мастер-Саунд». «Восток», включив в них песни самых известных на тот момент авторов и исполнителей жанра. Сборники быстро и выгодно распродавались, практически мало что давая самим исполнителям. В.В. Губин решил начать «покорение шоу-бизнеса» именно выпуска 4-х кассетного сборника «Золотая серия русского шансона, Сборник Виктора Губина». Чтобы переманить к себе авторов, Губин, в отличие от вышеупомянутых, которые иногда брали пиратски фонограммы песен на свои сборники, кидая авторов, заплатил всем нам, чьи песни были включены в его сборник, просто баснословные, абсолютно не реальные (по меркам оплаты Севастьянова) суммы.

В сборник Губин включил песни Круга, Кучина, Трофима, Дикого, Полотно и других. Моих там было три «Где вы нынче, поручик?», «Колючая ностальгия», «Милицейский воронок». Я выполнил нашу с Кругом договоренность первой встречи и при случае напоминал о воровстве песни «Светочка».

За полгода до губинской атаки на шоу-бизнес, в сборнике фирмы «Восток» «Москва бандитская-2» в предисловии к песне «Светочка» я весьма нелестно отозвался о Мише, но, повторяю, такова была изначальная договоренность. Естественно, что Губин и все остальные знали о нашем с Кругом «конфликте». Несмотря на многие, раздражающие всех недостатки Виктора Викторовича (отношу это к его математическому складу ума, неадекватному восприятию реальности и на тот момент занятостью написанием книги по философии), считаю, что заниматься прямым распространением сплетен и склок, абсолютно не соответствовало его характеру, его понятиям о мужской дружбе. Зато многочисленные клерки его офиса, которыми он окружил себя в то время (думаю, по вышеперечисленным причинам), только и жили ими. Губин под свой офис арендовал огромный зал, похожий на класс, в котором не имел своего кабинета, а сидел, условно отгороженный ото всех, двумя полупрозрачными

шкафами. Возможно этим, он лишний раз подчеркивал свою демократичность. Люди его посещали разные. В зависимости от важности разговора он деликатно просил своих клерков «покурить в коридоре», оставаясь тет а тет с посетителем. Часто приезжал Саша Черный, Витя Чупретов, представители «братвы». Во время таких встреч, клерки толпились на лестнице или во дворе офиса, вполголоса кроя Губина на чем свет стоит. Точно так же произошло, когда Губин расплачивался со мной и Кругом за песни, включенные в сборник. Я, получив деньги, шел к выходу по длинному офису, навстречу входил окруженный несколькими «братками» Круг. Мы кивнули друг другу, пожали руки и разошлись. Когда я вышел, губинские клерки буквально набросились на меня с расспросами о том, «уделал ли я Круга?» «Какого Круга?». «Ну, это же Круг пошел» «Круг? Это был Круг? Не знаю такого...». Я стал спускаться вниз по лестнице, оставив, ждавших «кровавых подробностей» губинских клерков с открытыми ртами. Потом долго ходили, обрастающие фантастическими подробностями слухи о «нашей стычке с Кругом», в момент получения денег в фирме Губина «Корвет-Саунд» весной 1998 года. Заявляю вполне официально, что никаких стычек, разборок, драки и поножовщины между мною и Кругом не было и быть не могло по причинам, описанным ранее!

Все, о чем трепались тогда — просто смешно и несостоятельно!

Пишу это ТОЛЬКО ПРАВДЫ РАДИ!

Может и был прав Миша, считая, что «лучшая реклама — антиреклама», но и тогда, и сейчас, противно это все мне как-то...

А «борьба» Губина с ненавистным ему шоу-бизнесом закончилась в августе 1998 года победой «дефолта», когда он просто сбежал в Уфу, спрятавшись ото всех и кинув нас на приличные деньги.

Владимирский централ

Предопределяю недоумение читателей и сразу оговорюсь. Я не редактировал, не дорабатывал, не дописывал «не получившиеся» слава и куплеты этой песни, как было в случаях, описанных ранее. Я вообще не имею никакого прямого отношения к ней. Авторство этой песни, надеюсь, принадлежит Кругу, и, если кто-то и помогал ему в обработках и доработках то абсолютно точно, не я. Но, все-таки, некоторое косвенное отношение к созданию этой композиции, думаю, есть.

Примерно осенью 1996 года ко мне, как всегда конфиденциально приехал Круг. Разговор крутился вокруг его растущей известности, но пошедшей (по его мнению) на убыль популярности. Он довольно раздраженно и не лестно отзывался об одной из звуковыпускающей фирме растиражировавшей «Зеленый прокурор» миллионным тиражом и никак не могущей его распродать. «Я же не Трофим, чтоб петь по кинотеатрам! Кинотеатры-это все! Считаю никому не нужен!». И вдруг спросил: «А ты знаешь, кто в действительности автор «Таганки»?» Я пошутил: «Неужели тоже ты?» Круг обиделся: «Дело ни в этом! Никто точно не знает автора, но песню то сколько лет поют и будут петь! Вот где бессмертие! Популярность без конца!». «Миша, как сказал Остап Бендер, быть бессмертным скучно, я бы ни хотел». «А я хочу! С Розенбаумом чуть кондратий не приключился, так он испугался, что через месяц его не вспомнят!». «Тогда напиши какую-нибудь «Бутырку» или «Матросскую тишину»!» «Да не то все это! В Твери у нас есть всем известная «девятка» (за правильность названной цифры не ручаюсь-время!) — спец. изолятор, там все наши пацаны сидели. Но, ее, кроме наших никто не знает, что мне о ней написать что ли?» И тут меня осенило. Не так за долго до этого разговора я прочел книгу Владимира Буковского «И возвращается ветер», там довольно подробно описывалось многолетнее пребывание автора «в крытке КГБ»-Владимирском центре. Я спросил: «Миша, а ты знаешь такую частушку семидесятых:

Поменяли хулигана
на Луиса Карвалана.
Где б найти такую блядь,
чтоб на Брежнева сменять?».

«Ну, знаю, ну, и причем здесь Брежнев?» И я вкратце

рассказал ему о Буковском, об обмене на Карвалана, о Владимирском спец. изоляторе. «Кстати там всегда сидели особоопасные, не только политические. Так, что, Владимирка не безызвестней Таганки будет». «А у тебя есть? — Дай почитать!» Круг полистал книгу в мягкой обложке и задумался. «Я сейчас много по зонам пою, езжу. Попробую «пробить» Владимирку, посмотреть надо, что к чему...»

Не знаю хранится ли где-нибудь в архивах Круга, подаренная мной книга в мягкой обложке, не знаю, состоялась ли его поездка во Владимирку? Но, в 1998, кажется году я услышал: «Владимирский централ, ветер северный...». К тому времени приезды ко мне Круга после его обиды на москвичей прекратились, и общение сошло на нет. Миша твердой поступью входил в бессмертие, а я тщетно пытался поправить свои материальные и творческие дела после «августа 1998 года».

В разгаре нынешнего лета исполнилось шесть лет как его не стало, а год назад исполнилось двенадцать лет с момента нашей с ним встречи и знакомства. Как говорят астрологи, — 12 лет — 12 звездных домов окончание Вселенского цикла, замыкание событийного КРУГА. Ушел, не попрощавшись, в вечность Михаил Круг. Испортили и сняли телефон-автомат у моего подъезда, поменялся номер моего телефона и никто и никогда больше не сможет позвонить мне с него на прошлый номер из прошлого. Иногда, открывая дверь на неожиданный звонок, ловлю себя на нелепой мысли... Но, тоскливый голос соседа возвращает в реальность: «Леонид! Займи на пузырь! Ей-богу, в следующий раз за все разы отдам!»